К.Г.Юнг.

Вклад в психологию слухов.

Глава из книги:

К. Г. Юнг

Критика психоанализа / Пер. с нем. и англ. под общей ред. В. Зеленского — Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000 — 304 с.

(Впервые опубликовано на немецком как «Ein Beitrag zur Psycho-logie des Geruchtes», в Zentraiblatt fur Psychoanalyse (Wiesbaden), I (1910/11): 3, 81—90. На русском языке впервые напечатано в: *К. Г. Юнг.* Избранные труды по аналитической психологии. Том I. Цюрих, 1939. С. 294—305. Для данной публикации за основу был взят перевод из этого издания, выполненный Софией Лорие. В редактировании перевода принимала участие 3. А. Кривулина).

Около года тому назад N-ское школьное начальство поручило мне составить свидетельство о психическом состоянии 13-летней ученицы Марии X. Мария незадолго до этого была исключена из школы, так как она подала повод для возникновения дурных слухов — или же, просто говоря, для болтовни об учителе ее класса. Наказание было жестоким для ребенка и, тем более, для родителей: школьное начальство было не прочь принять девочку обратно в школу под защитой врачебного свидетельства.

Привожу фактические данные этого своеобразного случая. Окольными путями до учителя дошел слух, будто девочки рассказывают про него историю, двусмысленную в сексуальном отношении. По наведенным справкам оказалось, что Мария X. как-то рассказала трем подругам сон следующего содержания: *«Весь класс пошел купаться. В нашей купальне не было места, и мне пришлось перейти к мальчикам. Потом мы поплыли далеко по озеру. (В виде пояснения: Лина П.* , г-н учитель и я.) И вот подошел к нам пароход. Учитель спросил нас: Хотите есть? Тогда мы доплыли до К. Там была свадьба. (В виде пояснения: венчался друг г-на учителя.) И нам позволили прийти на свадьбу. Потом поехали путешествовать. (В виде пояснения: я, Лина П. и г-н учитель.) Было как бы свадебное путешествие. Мы приехали в Андерматт, а там в гостинице не было места и нам пришлось переночевать в амбаре. Там у жены родился ребенок и учителя позвали в крестные отцы».*

*Ее сестра. См. пар. 119.

Так девочка рассказала мне свой сон в то время, когда я исследовал ее. По настоянию учителя она изложила его и письменно. В этом первоначальном изложении очевидный пропуск после слова «пароход» был заполнен следующим образом: «Мы сели. Потом мы замерзли. Какой-то старик дал нам кофту, которую г-н учитель надел». Вместо этого пропущено упоминание о том, что они не нашли места в гостинице и должны были переночевать в амбаре.

Девочка тотчас же рассказала сон не только трем подругам, но и матери. Мать передала мне этот рассказ; он лишь в мелочах отличался от двух вышеприведенных редакций. Исследовав дело, учитель, несмотря на глубокое свое глубокое недоверие, так же как я, не мог найти в рассказе ничего более подозрительного. Это говорит о том, что первоначальная форма рассказа мало отличалась от последующих. (Фраза о том, что они замерзли и учитель надел кофту, очевидно, была уже вставлена ранее; фразой этой девочка как бы бессознательно пытается восстановить логическую связь между отдельными действиями. Ведь выходя из воды все мокры и одеты только в купальные костюмы. А присутствовать не одевшись на свадьбе — невозможно.) Учителю сначала, конечно, казалось невероятным, чтобы это был только сон; он подозревал злую выдумку. Однако в конце концов он все-таки должен был признать за факт, что это был лишь невинный пересказ сна. Он должен был сознаться, что было бы неестественно, если бы ребенок с такой утонченностью в скрытой форме рассказывал двусмысленности сексуального свойства. Одно время он колебался между предположениями: утонченная ли это выдумка или только сон, сам по себе невинный, но истолкованный подругами в сексуальном смысле. Когда первый порыв возмущения прошел, он понял, что вина Марии X. не может быть так уж велика и что фантазия ее подруг способствовала распространению слухов. Тогда он поступил очень умно: он запер подруг Марии, каждую отдельно, и заставил их написать все то, что они знали о сне.

Прежде, чем обращаться к свидетельским показаниям, рассмотрим этот сон аналитически. В соответствии с мнением учителя и с фактами, мы прежде всего должны признать, что дело касается действительного сна, а не выдумки; тем более, что такое количество двусмысленностей девочка и не могла бы выдумать. При сознательной выдумке всегда стараются создать по возможности логическую связь и гладкие переходы между отдельными картинами, тогда как сон об этом не заботится; он творит именно с пропусками, а это, как мы видели, во время сознательной разработки сна приводит к вставкам. Пропуски имеют большое значение. В купальне пропущено раздевание, нагота;

затем недостает подробного описания совместного пребывания в воде. Отсутствие костюмов на пароходе исправляется вышеприведенной вставкой, но только для учителя, намекающей на то, что его нагота прежде всего и настоятельнее всего требует прикрытия. Нет подробного описания свадьбы, и переход с парохода нескладный. Прежде всего непонятно, почему приходится ночевать в амбаре. Параллельно этому появляется недостаток места в купальне, вследствие чего приходится перейти в мужское отделение, и опять-таки недостаток места в гостинице уничтожает еще раз разделение полов. Картина амбара тоже неполная, рождение ребенка является внезапно и вне всякой связи. Учитель в качестве крестного играет двусмысленную роль. Роль же Марии во всем рассказе совсем второстепенная. Она является, собственно говоря, только зрителем.

Все это совершенно похоже на настоящий сон: это могут подтвердить все, хорошо знакомые со снами девочек этого возраста. Толкование сна до того просто, что мы спокойно можем предоставить его подругам Марии, свидетельские показания которых мы тут же приводим.

Свидетели-очевидцы

«М. снилось, будто она и Лина П. пошли с нашим учителем купаться. Когда они отплыли довольно далеко от берега, М. сказала, что она не может дальше плыть, так как у нее очень болит нога. Тогда учитель сказал: „Она могла бы сесть ко мне на спину". М. села к нему на спину и они вместе поплыли. Через некоторое время подошел пароход, и они сели на него. У учителя будто бы был канат, которым он связал М. и Л. и потащил их за собой по озеру. Так они доехали до Ц. и там сошли. Но вот на них не оказалось одежды. Учитель купил куртку, а М. и Л. кто-то дал густую вуаль, и все трое пошли по Озерной улице. Это было в то время, когда еще праздновали свадьбу. Вот они повстречались со свадьбой. На невесте было голубое шелковое платье, но вуали не было. Она спросила М. и Л., не будут ли они так добры, не дадут ли ей вуаль. М. и Л. дали; за это им позволили прийти на свадьбу. Они пошли в гостиницу „Солнце". А потом было свадебное путешествие в Андерматт; я забыла, остановились ли они в гостинице в А. или в Ц. Там их угостили кофе, картофелем, медом и маслом. Дальше нельзя ничего сказать, но только под конец учителя позвали в крестные».

Отсутствует окольный путь с недостатком места в купальне: Мария с учителем прямо идут купаться. Совместное пребывание в воде получает более личную связь при посредстве каната, соединяющего двух девочек с учителем.

«Сидение», * дословно «воссесть» (на спину учителя), двусмысленность, появившаяся в первоначальном рассказе, отходит на второй план, на первом же плане — учитель, сажающий Марию на свою спину. В этом рассказе есть и маленькая описка: она могла бы сесть ко мне (вместо к нему) на спину — она указывает на то, как близко рассказчица принимает к сердцу эту подробность. Этим объясняется, почему сон так непосредственно выводит на сцену пароход: он нужен для того, чтобы двусмысленному сидению на спине придать тот невинный оборот, к которому обычно прибегают и в кафешантанном репертуаре. То, что они были неодеты, уже раньше выдвигается как-то неуверенно и вызывает у рассказчицы живейший интерес. Учитель покупает куртку, девочкам же дают длинную вуаль. (Заметим, что такие вуали носят только на похоронах и на свадьбах.) На то, что речь идет именно о свадьбе, указывает маленькое замечание о том, что на невесте не было вуали. (На которой вуаль — та и невеста). Рассказчица, близкая подруга Марии, помогает ей продолжать сон: вуаль — атрибут невесты или невест, Марии и Лины. Но такое соблазнительное и безнравственное положение разрешается тем, что девочки уступают вуаль невесте, и все принимает невинный оборот. Тем же приемом рассказчица пользуется, описывая двусмысленное положение в Андерматте: там подают все вкусное — кофе, картофель, мед и масло. Вторичное возвращение к детству по известному образцу. Следствие всего этого кажется бессвязным: учителя вдруг приглашают в крестные.

2. «М. снилось, будто она пошла купаться вместе с Л. и г-ном учителем. Далеко от берега М. будто сказала г-ну учителю, что у нее сильно заболела нога. Тогда г-н учитель сказал, что она может сесть на него. Последние слова, я не знаю, так ли были рассказаны, но мне кажется, что так. На озере как раз был пароход и г-н учитель сказал, чтобы она доплыла до парохода и села на него. А дальше я хорошенько и не знаю, как она рассказывала. Тогда г-н учитель сказал — или Мария сказала — я уже хорошенько не знаю, кто, — что в Ц. они сойдут и пойдут домой. Тогда г-н учитель позвал двоих мужчин, которые будто как раз там купались, и сказал им, чтобы они снесли детей на берег. Тогда Л. села на одного из них, а М. на другого, толстого, а г-н учитель будто держал толстяка за

---

* Aufsitzen в оригинале. Слово означает «сидеть на чьей-то спине» и «вскарабкиваться», «забираться» на лошадь или какое-либо транспортное средство. Применительно к пароходу используется лишь в исключительных случаях.

ногу и плыл за ним. Причалив к берегу, они будто побежали домой. По дороге г-н учитель встретил своего друга, а тот как раз венчался. М. сказала: „Тогда была еще мода такая, чтобы пешком ходить, а не в коляске". Тогда невеста сказала, что им можно пойти, а г-н учитель сказал, что было бы очень мило, если бы девочки отдали невесте черную вуаль, которую им дали по дороге где-то, я уж хорошенько не знаю, где. Дети отдали, а невеста сказала: вот добрые дети! Потом они пошли дальше и зашли в гостиницу „Солнце". Там им дали поесть, я хорошенько не знаю, что. Во время свадебного путешествия они очутились в Андерматте. Там они пошли в амбар и танцевали. Все мужчины скинули сюртуки, только г-н учитель не скинул. Тогда невеста сказала, чтобы он тоже скинул сюртук. Г-н учитель отказался, а потом все-таки сделал. И вот г-н учитель оказался —. И г-н учитель сказал, что он замерз. Дальше я рассказывать не могу, потому что неприлично. Вот и все, что я слышала о сне».

И эта рассказчица уделяет большое внимание «восседанию», но она не уверена, говорится ли в первоначальном рассказе о том, чтобы сесть на учителя или на пароход. Но эта неуверенность с избытком вознаграждается ярко разукрашенным рассказом о двух чужих мужчинах, взявших девочек на свои спины. Сидение на спине слишком ценная для рассказчицы мысль, чтобы легко от нее отказаться, но ее стесняет учитель как объект «сидения». Неполный костюм также возбуждает живой интерес. Венчальная вуаль стала черной, траурной (конечно, для того, чтобы было меньше соблазна). К невинности присоединяется и добродетель: «добрые дети». Безнравственное желание попутно превращается в добродетель, сильно подчеркнутую и потому сомнительную. Сцена в амбаре, недостаточно расписанная в первоначальном рассказе, становится у этой рассказчицы очень содержательной: мужчины скинули сюртуки и учитель тоже, и потому он оказался — то есть голым и замерз. После этого все становится слишком «неприлично». Рассказчица также верно отгадала параллель, предложенную нами выше при разборе первоначального рассказа: она внесла сюда сцену раздевания, относящуюся, собственно говоря, к купанью — ведь как-нибудь надо же, наконец, объявить, что девочки оказались вместе с голым учителем.

3. «М. рассказала, будто ей снилось: Раз я пошла купаться, и в раздевальне для меня не было места. Г-н учитель взял меня в свою раздевальню. Я разделась и пошла купаться. Доплыв до откоса, я встретила г-на учителя. Он спросил, не хочу ли я переплыть с ним озеро. Я согласилась, и Л. П. тоже. Мы поплыли, и скоро достигли середины озера. Мне не хотелось плыть дальше. Больше я не могу ничего точно рассказать. Вскоре после

этого подошел пароход, и мы на него сели. Г-н учитель сказал: „Мне холодно". Матрос дал нам старую рубаху. Каждый из нас троих оторвал по лоскуту рубахи. Я повязала этим лоскутом шею. Потом мы опять сошли с корабля и поплыли дальше по направлению к К. Л. П. и мне плыть дальше не хотелось, и два толстяка посадили нас к себе на спины. В К. нам дали вуаль, мы закутались в нее. В К. мы вышли на улицу. Г-н учитель встретил своего друга, который пригласил нас на свадьбу. Мы пошли в гостиницу „Солнце" и играли в игры. Мы и полонез танцевали. А дальше я не знаю в точности, что было. Потом мы совершили свадебное путешествие в Андерматт. У г-на учителя не было денег, и он в Андерматте украл каштаны. Г-н учитель сказал нам: „Как я рад, что путешествую с моими двумя ученицами!" Дальше следует неприличие, о котором я писать не хочу. Вот и весь сон».

Совместное раздевание переносится в тесную раздевальню. Отсутствие одежды дает повод к новому варианту (старая рубаха разрывается на три части). О сиденьи на спине учителя здесь не говорится вследствие слишком большой неуверенности. Вместо этого девочки садятся на двоих толстых мужчин. Так как «толщина» сильно подчеркивается, то надо заметить, что и учитель обладает приятной дородностью. Замещение весьма типично: для каждой по учителю. Удвоение или умножение личности есть прежде всего признак ее значительности, то есть оккупации либидо[1]. Особенно ясно выявляется такое умножение личности в культах и мифологиях. (Сравн. Троицу и две мистические исповедные формулы «Isis una quae es omnia», «Hermes omnia solus et ter unus»). В обиходе тоже говорят: «он ест, пьет или спит „за двоих"». Умножение личности выражает также аналогию или сравнение, например, «как моя подруга...» или «как у меня, так и у моей подруги одинаковые этиологические запросы» (Фрейд.) В случаях шизофрении умножение личности выражает также и оккупацию либидо, так как умножается всегда та личность, на которую больной переносит свои чувства. (Например, «есть два профессора N». — «Так Вы тоже д-р Юнг? Сегодня утром у меня уже был господин, выдававший себя за д-ра Юнга». Очевидно, такова общая тенденция больных шизофренией: разложение имеет аналитически ослабляющее значение, удерживающее слишком сильные впечатления. Умножение личности имеет еще одно значение, однако

[1] Сравнить удвоение атрибутов при шизофрении в моей «Психологии dementia praecox».

не совсем подходящее под это понятие: это превращение и возведение какого-либо атрибута личности в живое лицо. Возьмем простой пример: Дионис и его спутник Фалес, причем Фалес — «Phallos» — не что иное, как половой орган самого Диониса. И вся дионисова свита (сатиры, титиры, силены, менады, мимал-лоны) — не что иное, как олицетворения атрибутов самого Диониса.

Сцена в Андерматте особенно остроумно разукрашена и является настоящим продолжением сна: «учитель ворует каштаны», он делает нечто недозволенное. Под каштанами или жареными каштанами — трескающимися во время жарки — подразумеваются женские половые органы. И делается понятным замечание учителя об «особенной радости», которую доставляет ему путешествие со своими ученицами — замечание, следующее непосредственно после кражи каштанов. Кража каштанов, очевидно, индивидуальная вставка, так как она в других показаниях больше нигде не встречается. Она показывает, как интенсивно школьные подруги сочувствуют сну Марии Х., то есть как силен их «общий этиологический запрос».

Тут заканчиваются показания свидетелей-очевидцев. Вуаль, боль в ноге — все это подробности, намек на которые можно предположить и в первоначальном рассказе. Другие же вставки, безусловно, индивидуальны, основаны на самостоятельном внутреннем сочувствии идее сна со стороны каждой из подруг Марии.

Свидетели понаслышке

(1). «Вся школа пошла купаться с г-ном учителем. Только Мария не нашла места в купальне, где она могла бы раздеться. А г-н учитель сказал: „Ты можешь прийти в мою комнату; разденься у меня". Она вошла, но ей все-таки было очень стыдно. Раздевшись они вошли в воду. Г-н учитель взял длинную веревку и обвязал ею Марию. И они вместе уплыли далеко. Но Мария устала, и г-н учитель взял ее себе на спину. М. увидела Лину П. и позвала: пойдем с нами; и Лина пошла с ними. Все уплыли еще дальше и повстречались с пароходом. Тогда г-н учитель спросил: „Можем мы подняться? Вот, девочки устали". Пароход остановился, и все сели на пароход. Не знаю наверное, как они опять очутились на берегу. Г-ну учителю дали старую ночную кофту. Он надел ее на себя. Тут он встретился со своим другом; была свадьба этого друга. Пригласили и их — г-на учителя, Марию и Лину. Свадьбу праздновали в К., в гостинице „Корона". Им захотелось сыграть полонез. Г-н учитель не захотел. А другие уговаривали его. Тогда он взял Марию и сказал: „Я больше не вернусь домой, к жене и детям. Мария, ты мне милее всех". Она очень обрадовалась. После свадьбы они поехали путешествовать. Г-ну учителю, Марии и Лине тоже позволили

ехать. Они отправились в Милан. А потом поехали в Андерматт, где нигде не могли найти ночлега. Пошли в амбар, где все вместе могли провести ночь. Дальше я ничего сказать не могу, потому что становится уж очень неприлично».

Сцена раздевания в купальне ярко расписана; совместное пребывание в воде еще упрощается — это упрощение уже было подготовлено историей с канатом — учитель связывает себя с Марией. О Лине П. тут совсем не говорится больше, она появляется позднее, когда Мария уже сидит на спине учителя. Костюм здесь — «ночная кофта». О свадьбе говорится очень просто: учитель не хочет возвращаться домой, к жене и детям. Мария ему милее всех. В амбаре все вместе ночевали, а потом стало уж очень неприлично.

(2). «Рассказывали, будто она пошла со школой купаться. Но так как в купальне не было места, то учитель будто бы позвал ее к себе. И вот мы поплыли по озеру и Л. П. за нами. А учитель взял веревку и всех нас связал. Не знаю, как они потом опять развязались. Но долго спустя они вдруг очутились в Ц. И там будто бы произошла сцена, которую я лучше не расскажу, потому что, если это правда, то уж очень бесстыдно. Дальше не знаю, что там случилось, так как я была очень утомлена. Я слышала только, что М. Х. рассказывала, будто они навсегда остались у г-на учителя и будто он их, своих лучших учениц, все ласкал. Если бы я наверное знала, то рассказала бы и остальное; но моя сестра сказала только что-то про ребеночка, родившегося там, и про то, что г-на учителя заставили быть крестным».

Надо заметить, что в этом рассказе неприличная сцена вставлена прямо вместо свадьбы, где она столь же неуместна, как и в конце, так как внимательный читатель, наверное, заметил, что неприличное могло произойти уже и в купальне. Но случилось так, как очень часто случается во сне: заключительная мысль целого ряда картин выражает именно то, о чем уже пыталась сказать первая картина всей серии. Цензура отдаляет, насколько возможно, комплекс, прикрывая его все новыми символами, отодвигая его, давая ему новые невинные обороты и так далее. — В раздевальне еще ничего не случается, в воде тоже еще не «садятся» на спину учителя и причаливают к берегу тоже не на его спине; венчаются другие, в амбаре другая рожает ребенка, а г-н учитель только крестный. Однако во всех этих картинах и ситуациях заключается возможность комплекса, то есть желание полового общения, но, скрываясь за всеми этими метафорами, факт все-таки совершается и, как успешное последствие его, — в конце концов происходит рождение ребенка.

(3). «Мария рассказывала: г-н учитель венчался со своей женой; они пошли в гостиницу „Корона" и там танцевали. Потом М. говорила еще ужасные вещи, чего я ни рассказать, ни написать не могу, потому что уж очень стыдно».

Здесь почти все оказывается «слишком неприличным» для передачи. Надо заметить, что венчается учитель со своей «женой».

(4). «...будто г-н учитель пошел как-то купаться с М. и будто он спросил ее, хочет ли она пойти с ним. Она сказала: да. Они вместе поплыли по озеру и встретили Л. П.; г-н учитель спросил, хочет ли и она с ним. Они поплыли еще дальше. Слышала я еще, что она сказала, будто Л. П. и она — его любимые ученицы, — будто так г-н учитель сказал. Еще она сказала нам, что г-н учитель был в купальных штанах. А там они еще, будто, на свадьбе были, и невеста, будто, ребеночка родила».

Личное отношение к учителю очень сильно подчеркнуто («любимые ученицы»), равно как и нагота («купальные штаны»).

(5). «М. и Л. П. пошли с г-ном учителем купаться. Когда они все трое проплыли немного, М. сказала: г-н учитель, я не могу дальше плыть, у меня нога заболела. Г-н учитель сказал, чтобы она села к нему на спину, и М. так и сделала. Тут появилась ласточка (маленький пароход), и г-н учитель сел на пароход. У учителя было два каната, которыми он детей привязал к пароходу. И будто все вместе поехали в Ц. и там вышли на берег. Там г-н учитель купил ночную кофту и надел ее на себя, а дети покрылись платком. У г-на учителя была невеста, и они пошли в амбарчик. И дети будто тоже пошли с ним и с невестой в амбарчик танцевать. Остальное я не могу написать, потому что уж очень гадко».

И тут Мария сидит у учителя на спине. Учитель привязывает девочек канатом к пароходу; из этого видно, как легко учитель замещается пароходом. Одеждой тут снова является ночная кофта. Сам учитель женится и после танцев делается неприлично.

(6: Лина). «Г-н учитель со всей школой пошел купаться. М. не нашла места и заплакала. Тогда г-н учитель, будто, сказал, что она может прийти в его отделение. „Я должна кое-что пропустить", сказала моя сестра, „так как это длинная история". Но она все-таки рассказала мне кое-что; и я должна рассказать, чтобы сказать правду. Когда они были в воде, г-н учитель спросил М., хочет ли она переплыть с ними озеро. На это она ответила, если я пойду с ними, то и она пойдет. Мы доплыли приблизительно до половины озера. Тут М. устала, и г-н учитель потянул ее за веревку. В К. они причалили, а потом в Ц. (Говорят, будто г-н учитель все еще был одет как в воде.) Там мы встретили его

друга, который, говорят, венчался. И нас, говорят, этот друг пригласил. После свадьбы поехали путешествовать, и мы попали в Милан. Раз ночью нам пришлось спать в амбаре, и там, будто, случилось такое, чего нельзя рассказать. И будто г-н учитель сказал, что мы его любимые ученицы и будто он целовал Марию».

Извинение «я должна кое-что пропустить» заменяет сцену раздевания. Неполный костюм учителя особенно подчеркивается. Путешествие принимает типичный оборот, становится свадебным путешествием в Милан. Это место, очевидно, самостоятельно разработано фантазией, разожженной внутренним сочувствием. Мария явно играет роль любовницы.

(7). «Вся школа пошла с г-ном учителем купаться. Все вошли в комнату. Г-н учитель тоже. Только М. не нашла места. Тогда г-н учитель сказал ей: „Ложись ко мне на спину. Я поплыву с тобой на озеро". Дальше я не смею писать, потому что так неприлично, что я и сказать не могу. Кроме неприличного, что было потом, я ничего больше не знаю о сне».

Рассказчица близко подходит к самой сути. Уже в купальне Мария должна «лечь» к учителю на спину. Следовательно, рассказчице, кроме «неприличного», нечего больше рассказать о дальнейшем течении сна.

(8). «Вся школа пошла купаться. Но М., будто, не нашла места, и учитель пригласил ее в свою раздевальню. Говорят, что учитель выплыл с ней и прямо сказал ей, что она его возлюбленная или что-то в этом роде. В Ц., куда они причалили, его друг как раз венчался и пригласил их в купальных костюмах тоже на свадьбу. Говорят, что учитель нашел старую ночную кофту и надел ее поверх купальных штанов. И будто он расцеловал Марию и сказал, что он больше не вернется к жене. После свадьбы их обоих пригласили путешествовать. Ехали они через Андерматт, не нашли там ночлега и должны были спать в сене. Там была женщина — и вот теперь-то и следует гадость, так как очень нехорошо издеваться и смеяться над таким серьезным делом. У этой женщины родился ребеночек, — а дальше я ничего больше не скажу, потому что дальше уж слишком гадко».

Рассказчица очень радикальна («он прямо сказал ей, что она его возлюбленная, — он, будто, расцеловал Марию и сказал, что больше не вернется к своей жене».) Возмущение глупой болтовней, прорвавшееся в конце, указывает на особенность рассказчицы. Оказалась, что эта девочка была единственной из свидетельниц, которую мать рано и преднамеренно просветила сексуально.

Заключение

Я ничего не прибавлю к толкованию сна. Дети сделали все, что нужно; аналитическое толкование излишне. Сама молва проанализировала и растолковала сон. Насколько мне известно, эту новую способность слухов до сих пор еще не исследовали. Настоящий случай доказывает, насколько важно исследование психологии слухов и их освещение с психоаналитической точки зрения. В описании материала я преднамеренно ограничился психоаналитической стороной; при этом я признаю, что для полноценной постановки вопроса для последователей Штерна, Клапареда и др. мой материал предоставляет много точек для критического интереса.

Приведенный материал дает нам возможность понять построение слухов, но этим психоанализ не может довольствоваться. Необходимо знать, зачем и почему произошло то или иное явление. Мы видели, что тяжко пострадавший от этой молвы учитель остановился на проблеме причины и следствия. Как мог сон, явление, как известно, невинное и никогда ничего не значащее — ведь учителей учат психологии — иметь такие последствия, породить такую зловредную болтовню?! Такой постановкой вопроса учитель инстинктивно попал в самую точку. Последствия сна можно объяснить только тем, что он был надлежащим выражением для чего-то, уже носившегося в воздухе. Он был искрой, попавшей в пороховую бочку. В нашем материале можно найти все нужные данные для такого понимания. Я указывал несколько раз на то, как подруги Марии приняли близко к сердцу ее сон; я говорил о том, какие подробности вызывали у них особый интерес, столь сильный, что некоторые из них разукрашивали их своими собственными фантазиями, как бы сами принимая в нем участие. В классе все девочки 12-ти — 13-ти лет, то есть они находятся на рубеже полового созревания. Сама Мария физически почти совсем развита в половом отношении: в этом отношении она впереди класса и, так сказать, руководит им, выдавая пароль для бессознательного, который в ее подругах вызвал взрыв сексуальных комплексов, уже бывших наготове.

Можно себе представить, что для учителя вся эта история была весьма неприятна. Он предполагал злой умысел учениц, и его предположение можно оправдать на том психоаналитическом основании, что о действиях судят больше по результатам, чем по сознательным мотивам[2]. Из всего этого можно было бы заключить, что Мария была особенно зла на учителя. — Мария любила этого учителя больше всех других. Но в течение последнего полугодия она существенно изменилась. Она стала рассеянной,

[2] См. «О конфликтах детской души». В: *К. Г. Юнг.* Конфликты детской души. М., 1995.

невнимательной; по вечерам, с наступлением темноты, она боялась выходить на улицу, боясь злых мужчин. Иногда она разговаривала с подругами на сексуальные темы в несколько циничной форме, в то время как ее мать меня озабоченно спрашивала, как бы ей просветить дочь относительно предстоящей ей менструации. — Вследствие своей перемены Мария утратила расположение учителя: впервые это проявилось в дурных отметках, полученных ею и ее подругами незадолго до появления злополучной молвы. Разочарование было так велико, что девочки начали мечтать о мести, о том, например, чтобы его столкнуть на рельсы под поезд и т. д. В этих кровавых фантазиях особенно изощрялась Мария. В ночь после большого порыва злобы, когда ее прежняя любовь к учителю казалась окончательно забытой, это вытесненное чувство заявило о себе в разобранном нами сне: во сне исполнилось желание полового общения с учителем, как компенсация ненависти, наполнившей день. После пробуждения сон стал ловким орудием мести, так как мысль-желание, заключавшаяся в нем, разделялась и подругами, как всегда в таких случаях. Месть удалась, но сильнее мести был ответный удар, сразивший Марию. Так бывает, когда отдаешься своим инстинктам. Благодаря моему свидетельству Марию вновь приняли в школу.

Я сознаю, насколько этот маленький доклад несовершенен и, особенно, насколько он неудовлетворителен в строго научном отношении. Имей мы точный первоначальный рассказ, можно было бы с несомненной достоверностью говорить о том, о чем мы теперь говорим лишь в форме намеков. Таким образом, этот случай является лишь постановкой вопроса, мы предоставляем более счастливым наблюдателям делать в этой области по настоящему доказательные опыты.